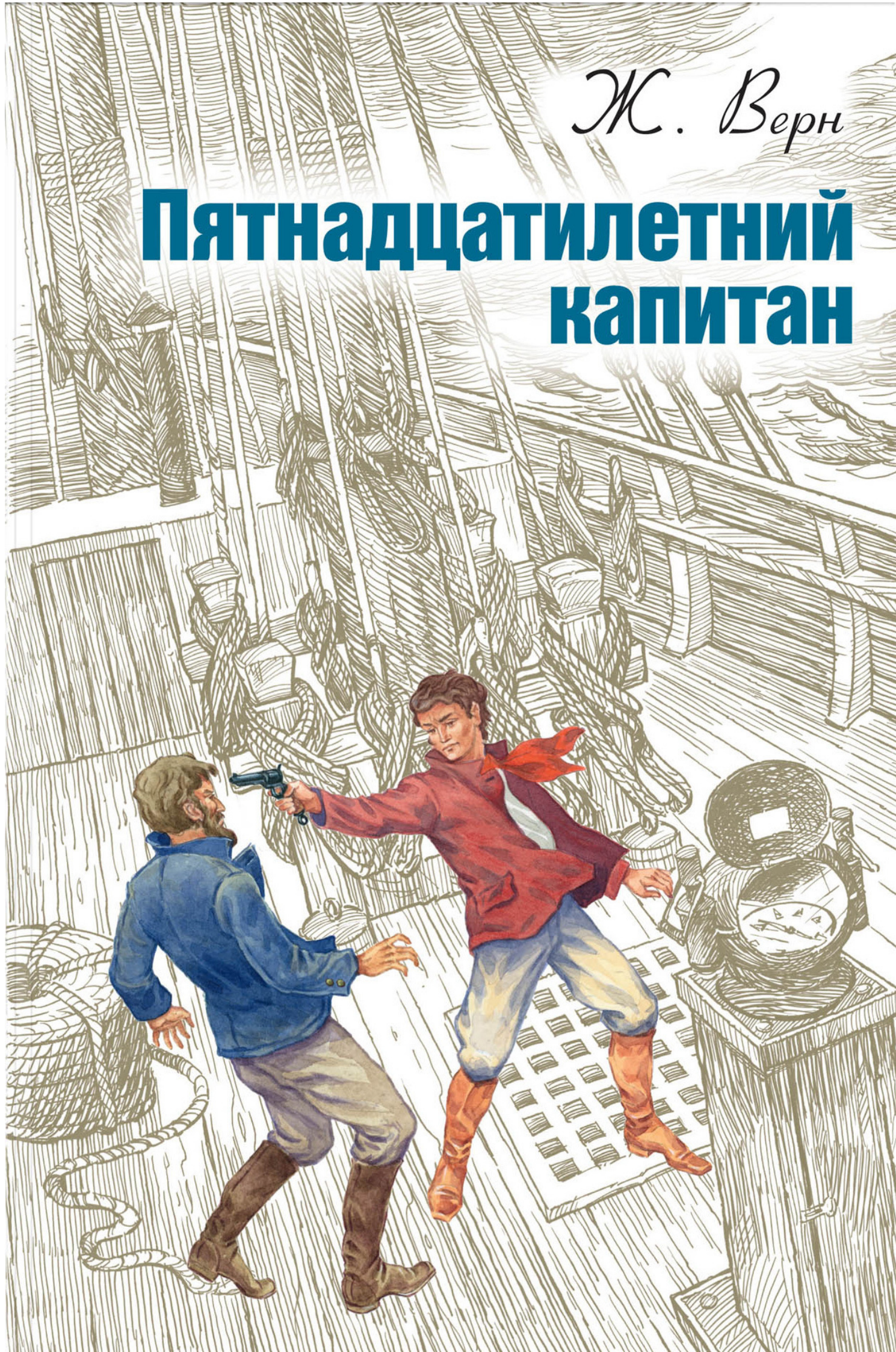

Ж. Верн

Пятнадцатилетний капитан

Мировая книжка

Жюль Верн

Пятнадцатилетний капитан

«ЭНАС»

1878

УДК 82-3
ББК 84-44

Верн Ж. Г.

Пятнадцатилетний капитан / Ж. Г. Верн — «ЭНАС»,
1878 — (Мировая книжка)

ISBN 978-5-91921-597-4

Роман «Пятнадцатилетний капитан» знаменитый писатель Жюль Верн посвятил своему сыну Мишелю, которому тогда как раз исполнилось пятнадцать лет. Отправляйтесь и вы в увлекательное путешествие по стопам Дика Сэнда – главного героя этой книги, которому по воле случая пришлось стать капитаном в столь юном возрасте. Вас ждут суровые испытания и незабываемые приключения на море и на суше! Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 82-3
ББК 84-44

ISBN 978-5-91921-597-4

© Верн Ж. Г., 1878
© ЭНАС, 1878

Содержание

Предисловие от издательства	6
Часть первая	8
Глава I	9
Глава II	16
Глава III	21
Глава IV	28
Глава V	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Жюль Верн

Пятнадцатилетний капитан

Jules Gabriel Verne

Un capitaine de quinze ans

* * *

© П. В. Высоцкий. Обложка, 2017

© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2017

Предисловие от издательства

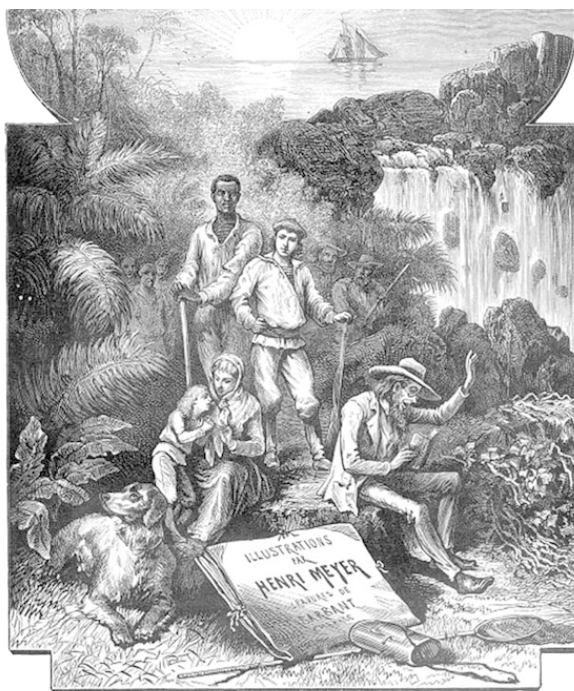
В 1864 году первый роман французского писателя Жюль Верна (1828–1905) был переведен на русский язык и опубликован в Москве. С этого момента автор приключенческих романов покорила сердца российских читателей. Его произведения выдержали не одно переиздание. О творчестве Жюль Верна с большим уважением отзывались великие русские писатели. Л. Н. Толстой говорил: «Романы Жюль Верна превосходны, я их читал совсем взрослым, и все-таки, помню, они меня восхищали. А послушали бы вы, с каким восторгом отзывается о нем Тургенев!». М. Е. Салтыков-Щедрин опубликовал в журнале «Современник» хвалебную рецензию на первое произведение французского писателя, отметив, что роман «непременно должен стать настольной детской книгой». Великий русский сатирик оказался абсолютно прав. И сейчас, спустя много лет, творчество Жюль Верна остается классикой детской приключенческой литературы.

Жюль Верн оказался очень плодовитым писателем: на протяжении 40 лет он публикует как минимум один роман в год. Тем удивительнее тот факт, что такой талантливый человек долгое время даже и не помышлял о литературной карьере. Пьер Верн – отец будущего писателя – был потомственным юристом, и сыну предстояло унаследовать его контору. Но судьба распорядилась иначе. В Париже, куда Жюль Верн отправился изучать юриспруденцию, он познакомился с Александром Дюма, который и посоветовал безвестному в ту пору провинциалу попробовать свои силы в литературе. Первые работы – пьесы для театра – не принесли ему сколько-нибудь заметного успеха. По-настоящему знаменитым его сделали приключенческие романы.

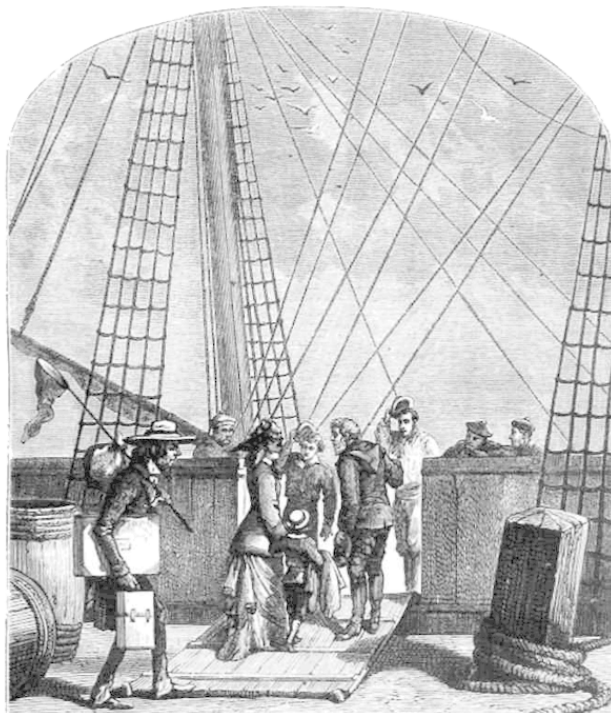
Роман «Пятнадцатилетний капитан» Жюль Верн написал как... подарок и наставление! Сын Жюль Верна – Мишель был не самым примерным ребенком и доставлял своим родителям много беспокойства, он часто бывал упрям и угрюм. Тогда Жюль Верн решил, что Мишелю нужен хороший пример для подражания. Таким примером стал главный герой романа «Пятнадцатилетний капитан» – Дик Сэнд. В пятнадцать лет ему пришлось встать за штурвал корабля и взять на себя ответственность за жизнь команды и пассажиров. Мужественный, ответственный и очень добрый юноша не бросает друзей в беде, не пасует перед сложностями, которые ждут его на пути, и никогда не теряет само обладания. Дик Сэнд и сейчас остается отличным примером для подростков, его приключения не оставляют равнодушными юных читателей.

Для удобства чтения этого увлекательного и весьма познавательного произведения в конце книги помещен словарь морских терминов.

В книге воспроизведены гравюры Шарля Барбана (1844–1922) по рисункам выдающегося французского художника Анри Мейера (1844–1899) из парижского издания 1878 года.

Часть первая

Глава I

Шхуна-бриг «Пилигрим»

Второго февраля 1873 года шхуна-бриг «Пилигрим» находилась под $43^{\circ}57'$ южной широты и $165^{\circ}19'$ западной долготы от Гринвича. Это судно водоизмещением в четыреста тонн было снаряжено в Сан-Франциско для охоты на китов в южных морях.

«Пилигрим» принадлежал богатому калифорнийскому судовладельцу Джемсу Уэлдону; командовал судном в продолжение многих лет капитан Гуль.

Джемс Уэлдон ежегодно отправлял целую флотилию судов в северные моря, за Берингов пролив, а также в моря Южного полушария, к Тасмании и к мысу Горн. «Пилигрим» считался одним из лучших кораблей флотилии. Ход у него был отличный. Превосходная оснастка позволяла ему с небольшой командой доходить до самой границы сплошных льдов Южного полушария.

Капитан Гуль умел лавировать, как говорят моряки, среди плавучих льдин, дрейфующих летом южнее Новой Зеландии и мыса Доброй Надежды, то есть на более низких широтах, чем в северных морях. Правда, это только небольшие айсберги, уже потрескавшиеся и размытые теплой водой, и большая часть их быстро тает в Атлантическом или Тихом океанах.

На «Пилигриме» под началом капитана Гуля, прекрасного моряка и одного из лучших гарпунщиков южной флотилии, находилось пять опытных матросов и один новичок. Этого было недостаточно: охота на китов требует довольно большого экипажа для обслуживания шлюпок и для разделки добытых туш. Но мистер Джемс Уэлдон, как и другие судовладельцы, считал выгодным вербовать в Сан-Франциско лишь матросов, необходимых для управления кораблем. В Новой Зеландии среди местных жителей и дезертиров всех национальностей не было недостатка в искусных гарпунщиках и матросах, готовых наняться на один сезон. По окончании кампании они получали расчет и на берегу дожидались следующего года, когда их услуги снова могли понадобиться китобойным судам. При такой системе судовладельцы экономили немалые суммы на жалованье судовой команды и увеличивали свои доходы от промысла.

Именно так поступил и Джемс Уэлдон, снаряжая в плавание «Пилигрим».

Шхуна-бриг только что закончила китобойную кампанию на границе южного Полярного круга, но в ее трюмах оставалось еще много места для китового уса и немало бочек, не заполненных ворванью. Уже в то время китовый промысел был нелегким делом. Киты стали редкостью: сказывались результаты их беспощадного истребления. Настоящие киты начали выми-

рать, и охотникам приходилось промысливать полосатиков¹, охота на которых представляет немалую опасность.

То же самое вынужден был делать и капитан Гуль, но он рассчитывал пройти в следующее плавание в более высокие широты – если понадобится, вплоть до земель Клары и Адели, открытых, как это твердо установлено, французом Дюмоном д'Юрвилем, как бы это ни оспаривал американец Уилкс.

«Пилигриму» не повезло в этом году. В начале января, в самый разгар лета в Южном полушарии и, следовательно, задолго до конца промыслового сезона, капитану Гулю пришлось покинуть место охоты. Вспомогательная команда – сборище довольно темных личностей – вела себя дерзко, нанятые матросы отлынивали от работы, и капитан Гуль вынужден был расстаться с ней.

«Пилигрим» взял курс на северо-запад и 15 января прибыл в Вайтемату, порт Окленда, расположенный в глубине залива Хаураки на восточном берегу северного острова Новой Зеландии. Здесь капитан высадил китобоев, нанятых на сезон.

Постоянная команда «Пилигрима» была недовольна: шхуна-бриг недобрала по меньшей мере двести бочек ворвани. Никогда еще результаты промысла не были столь плачевны.

Больше всех недоволен был капитан Гуль. Самолюбие прославленного китобоя было глубоко уязвлено неудачей: впервые он возвращался с такой скудной добычей; он проклинал лодырей и тунеядцев, которые сорвали промысел.

Напрасно пытался он набрать в Окленде новый экипаж: моряки были уже заняты на других китобойных судах. Пришлось, таким образом, отказаться от надежды дополна нагрузить «Пилигрим». Капитан Гуль собирался уже уйти из Окленда, когда к нему обратились с просьбой принять на борт пассажиров. Отказать в этом он не мог.

Миссис Уэлдон, жена владельца «Пилигрима», ее пятилетний сын Джек и ее родственник, которого все называли «кузен Бенедикт», находились в это время в Окленде. Они приехали туда с Джемсом Уэлдоном, который изредка посещал Новую Зеландию по торговым делам, и предполагали вместе с ним вернуться в Сан-Франциско. Но перед самым отъездом маленький Джек серьезно занемог. Джемса Уэлдона призывали в Америку неотложные дела, и он уехал, оставив жену, заболевшего ребенка и кузена Бенедикта в Окленде.

Прошло три месяца, три тяжелых месяца разлуки, показавшихся бесконечно долгими бедной миссис Уэлдон. Когда маленький Джек оправился от болезни, она стала собираться в дорогу. Как раз в это время «Пилигрим» пришел в Оклендский порт.

В ту пору прямого сообщения между Оклендом и Калифорнией не существовало. Миссис Уэлдон предстояло сначала поехать в Австралию, чтобы там пересечь на один из транс-океанских пароходов компании «Золотой век», связывающих пассажирскими рейсами Мельбурн с Панамским перешейком через Папеэте. Добравшись до Панамы, она должна была ждать американский пароход, курсировавший между перешейком и Калифорнией.

Такой маршрут предвещал длительные задержки и пересадки, особенно неприятные для женщин, путешествующих с детьми. Поэтому, узнав о прибытии «Пилигрима», миссис Уэлдон обратилась к капитану Гулю с просьбой доставить ее в Сан-Франциско вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и Нан – старухой негритянкой, которая вынянчила еще саму миссис Уэлдон.

Совершить путешествие в три тысячи лье на парусном судне! Но судно капитана Гуля всегда содержалось в безукоризненном порядке, а время года было еще благоприятно по обе стороны экватора.

Капитан Гуль согласился и тотчас предоставил в распоряжение пассажирки свою каюту. Ему хотелось, чтобы во время плавания, которое должно было продлиться дней сорок – пять-

---

¹ Настоящие киты, в отличие от полосатиков, дают охотникам не только ворвань (переработанный в ценное промышленное сырье жир), но и китовый ус (роговые пластины, употребляемые для изготовления разных изделий).

десять, миссис Уэлдон была окружена возможно большим комфортом на борту китобойного судна.

Таким образом, для миссис Уэлдон путешествие на «Пилигриме» имело много преимуществ. Правда, шхуна-бриг должна была сначала зайти для разгрузки в порт Вальпараисо в Чили, лежащий в стороне от прямого курса. Зато от Вальпараисо до самого Сан-Франциско судну предстояло идти вдоль американского побережья при попутных береговых ветрах.

Миссис Уэлдон, опытная путешественница, не раз делившая с мужем тяготы дальних странствований, была храбрая женщина и не боялась моря; ей было около тридцати лет, и она отличалась завидным здоровьем. Она знала, что капитан Гуль отличный моряк, которому Джемс Уэлдон вполне доверял, а «Пилигрим» надежный корабль и на отличном счету среди американских китобойных судов. Случай представился – надо было им воспользоваться. И миссис Уэлдон решила совершить плавание на борту судна небольшого тоннажа. Разумеется, кузен Бенедикт должен был сопровождать ее.

Кузену было лет пятьдесят. Несмотря на солидный возраст, его нельзя было выпускать одного из дому. Скорее сухопарый, чем худой, и не то чтобы высокий, но какой-то длинный, с огромной взлохмаченной головой, с золотыми очками на носу – таков был кузен Бенедикт. С первого взгляда в этом долговязом человеке можно было распознать одного из тех почтенных ученых, безобидных и добрых, которым на роду написано всегда оставаться взрослыми детьми, жить на свете лет до ста и умереть с младенческой душой.

«Кузеном Бенедиктом» звали его не только члены семьи, но и посторонние: такие простодушные добряки, как он, кажутся всеобщими родственниками. Кузен Бенедикт никогда не знал, куда ему девать свои длинные руки и ноги; трудно было найти человека более беспомощного и несамостоятельного, особенно в тех случаях, когда ему приходилось разрешать обыденные, житейские вопросы.

Нельзя сказать, что он был обузой для окружающих, но он как-то ухитрялся стеснять каждого и сам чувствовал себя стесненным собственной неуклюжестью. Впрочем, он был неприхотлив, покладист, нетребователен, нечувствителен к жаре и холоду, мог не есть и не пить целыми днями, если его забывали накормить и напоить. Казалось, кузен Бенедикт принадлежит не столько к животному, сколько к растительному царству. Он был как бесплодное, почти лишенное листьев дерево, не способное ни приютить, ни накормить путника. Но у него было доброе сердце. Он охотно оказывал бы услуги людям, если бы в состоянии был оказывать их, как сказал бы Прюдом², и его все любили, несмотря на его слабости, а может быть, именно за них. Миссис Уэлдон смотрела на него как на своего сына, как на старшего брата маленького Джека.

Следует, однако, оговориться, что кузена Бенедикта никто бы не назвал бездельником. Напротив, это был неутомимый труженик. Единственная страсть – естественная история – поглощала его целиком.

Сказать «естественная история» – это значит сказать очень многое. Известно, что эта наука включает в себя зоологию, ботанику, минералогию и геологию. Но кузен Бенедикт ни в какой мере не был ни ботаником, ни минералогом, ни геологом.

Был ли он в таком случае зоологом в полном смысле слова – кем-то вроде Кювье³ Нового Света, способным аналитически разложить или синтетически воссоздать любое животное? Посвятил ли он свою жизнь изучению тех четырех типов – позвоночных, мягкотелых, суставчатых и лучистых, – на какие современное естествознание делит весь животный мир? Изучал

---

² Сюлли Прюдом (1839–1907) – французский поэт и эссеист.

³ Жорж Кювье (1769–1832) – известный французский натуралист, прославившийся исследованиями ископаемых животных, предложил (ныне устаревшую) классификацию животного мира, разделив его на четыре основных типа.

ли этот наивный, но прилежный ученый разнообразные отряды, подотряды, семейства и под-семейства, роды и виды этих четырех типов?

Нет!

Посвятил ли себя кузен Бенедикт изучению позвоночных: млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и рыб?

Нет и нет!

Быть может, его занимали моллюски? Быть может, головоногие и мшанки раскрыли перед ним все свои тайны?

Тоже нет!

Значит, это ради изучения медуз, полипов, иглокожих, простейших и других представителей лучистых он до глубокой ночи жег керосин в лампе?

Надо прямо сказать, что не лучистые поглощали внимание кузена Бенедикта.

А так как из всей зоологии остается только раздел суставчатых, то само собой разумеется, что именно этот раздел и был предметом всепоглощающей страсти кузена Бенедикта. Однако и тут требуется сделать уточнение.

Суставчатых насчитывают шесть отрядов: насекомые, многоногие, паукообразные, ракообразные, усоногие, кольчатые черви.

Кузен Бенедикт, откровенно говоря, не сумел бы отличить земляного червя от медицинской пиявки, домашнего паука от лжескорпиона, морского желудя от креветки, кивсяка от сколопендры.

Кем же был в таком случае кузен Бенедикт?

Только энтомологом, и никем иным!

На это могут возразить, что энтомология есть часть естественной истории, занимающаяся изучением всех суставчатых. Вообще говоря, это верно. Но обычно в понятие «энтомология» вкладывается более ограниченное содержание. Этот термин применяется только для обозначения науки о насекомых, то есть суставчатых беспозвоночных, в теле которых различаются три отдела – голова, грудь и брюшко – и которые снабжены одной парой сяжков⁴ и тремя парами ног, почему их и называли шестиногими.

Итак, кузен Бенедикт был энтомологом, посвятившим свою жизнь изучению насекомых.

Из этого не следует, что кузену Бенедикту нечего было делать. В этом классе не менее десяти отрядов:

Прямокрылые (представители: кузнечики, сверчки и т. д.).

Сетчатокрылые (представители: муравьиные львы, стрекозы).

Перепончатокрылые (представители: пчелы, осы, муравьи).

Чешуекрылые (представители: бабочки).

Полужесткокрылые (представители: цикады, блохи).

Жесткокрылые (представители: майские жуки, бронзовки).

Двукрылые (представители: комары, москиты, мухи).

Веерокрылые (представители: стилопсы, или веерокрылы).

Паразиты (представители: клещи).

Низшие насекомые (представители: чешуйницы).

Но среди одних лишь жесткокрылых насчитывается не менее тридцати тысяч разных видов, а среди двукрылых – шестьдесят тысяч⁵, поэтому нельзя не признать, что работы для одного человека здесь больше чем достаточно.

Жизнь кузена Бенедикта была посвящена безраздельно и исключительно энтомологии. Этой науке он отдавал все свое время: не только часы бодрствования, но также и часы сна,

---

⁴ Сяжки – парные усики насекомых.

⁵ Теперь известно более миллиона видов насекомых, из них свыше двухсот тысяч разновидностей жуков.

потому что ему даже во сне неизменно грезились насекомые. Немыслимо сосчитать, сколько булавок было вколото в обшлага его рукавов, в отвороты и полы его пиджака, в поля его шляпы. Когда кузен Бенедикт возвращался домой с загородной прогулки, всегда предпринимаемой с научной целью, его шляпа представляла собою витрину с коллекцией самых разнообразных насекомых. Наколотые на булавки, они были прищиплены к шляпе как снаружи, так и изнутри.

Жизнь кузена Бенедикта была посвящена безраздельно и исключительно энтомологии. Этой науке он отдавал все свое время

Чтобы дорисовать портрет этого чудака, скажем, что он решил сопровождать мистера и миссис Уэлдон в Новую Зеландию исключительно ради того, чтобы удовлетворить свою страсть к новым открытиям в энтомологии. В Новой Зеландии ему удалось обогатить свою коллекцию несколькими редкими экземплярами, и теперь кузен Бенедикт с понятным нетерпением рвался назад, в Сан-Франциско, желая поскорее рассортировать драгоценные приобретения по ящикам в своем рабочем кабинете.

Так как миссис Уэлдон с сыном возвращались домой на «Пилигриме», то вполне понятно, что кузен Бенедикт ехал вместе с ними.

Миссис Уэлдон меньше всего могла рассчитывать на помощь кузена Бенедикта в случае какой-нибудь опасности. К счастью, ей предстояло совершить лишь приятное путешествие по морю, спокойному в это время года, и на борту судна, которое вел капитан, заслуживающий полного доверия.

В продолжение трех дней стоянки «Пилигрима» в Вайтемате миссис Уэлдон успела сделать все приготовления к отъезду. Она очень торопилась, так как не хотела задерживать отправ-

ление судна. Рассчитав туземную прислугу, она 22 января перебралась на «Пилигрим» вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и старой негритянкой Нан.

Миссис Уэлдон перебралась на «Пилигрим» вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и старой негритянкой Нан

Кузен Бенедикт со всеми предосторожностями уложил свою драгоценную коллекцию в особую жестяную коробку, которую он носил на ремне через плечо. В этой коллекции, между прочим, хранился экземпляр жука-стафилина – плотоядного жесткокрылого, с глазами, расположенными в верхней части головки, которого до этого времени считали присущим только новокаледонской фауне. Кузену Бенедикту предлагали захватить с собой ядовитого паука «катипо», как его называют маори⁶, укус которого смертелен для человека. Но паук не принадлежит к насекомым, его место среди паукообразных, и, следовательно, он не представлял никакого интереса для кузена Бенедикта; наш энтомолог пренебрежительно отказался от паука и считал самым ценным экземпляром своей коллекции новозеландского жука-стафилина.

Конечно, кузен Бенедикт застраховал свою коллекцию, не пожалев денег на уплату страхового взноса. Эта коллекция, на его взгляд, была дороже, чем весь груз ворвани и китового уса, хранившийся в трюме «Пилигрима».

Когда миссис Уэлдон и ее спутники поднялись на борт шхуны-брига и настала минута сниматься с якоря, капитан Гуль подошел к своей пассажирке и сказал:

– Само собой разумеется, миссис Уэлдон, вы принимаете на себя всю ответственность за то, что выбрали «Пилигрим» для плавания через океан.

⁶ *Маори* – коренное население Новой Зеландии.

– Что за странные слова, капитан Гуль?

– Я вынужден напомнить вам это, миссис Уэлдон, потому что не получил никаких указаний от вашего супруга. Это во-первых. А во-вторых, шхуна-бриг в смысле безопасности, конечно, уступает пакетботам, специально приспособленным для перевозки пассажиров.

– Как вы думаете, мистер Гуль, если бы муж был здесь, решился бы он совершить это плавание на «Пилигриме» вместе со мной и с нашим сыном?

– О да, несомненно! – ответил капитан. – Сам я, не задумываясь, взял бы на борт «Пилигрима» свою семью.

«Пилигрим» – отличное судно, хоть в этом году оно неудачно закончило промысловый сезон. Я уверен в нем так, как только может быть уверен в своем судне моряк, командующий им много лет. Я задал вам этот вопрос, миссис Уэлдон, только для очистки совести да еще для того, чтобы лишний раз извиниться за то, что у меня нет возможности окружить вас удобствами, к которым вы привыкли.

– Если все дело сводится к удобствам, капитан Гуль, это не остановит меня. Я не принадлежу к числу тех капризных пассажиров, которые досаждают капитанам жалобами на тесноту кают и плохой стол.

Посмотрев на своего маленького сына, которого она держала за руку, миссис Уэлдон закончила:

– Итак, в путь, капитан!

Капитан Гуль тотчас же приказал поднять якорь. Через короткое время «Пилигрим», поставив паруса, вышел из Оклендского порта и взял курс к американскому побережью.

Однако через три дня после отплытия с востока задул сильный ветер, и шхуна-бриг вынуждена была лечь на левый галс, чтобы следовать против ветра. Поэтому 2 февраля капитан Гуль еще находился в широтах более высоких, чем он желал, – в положении моряка, который намеревался бы обогнуть мыс Горн, а не плыть кратчайшим путем к западному берегу Нового Света.

Глава II

Дик Сэнд

Погода стояла хорошая, и, если не считать отклонения от курса и удлинения пути, плавание совершалось в сносных условиях.

Миссис Уэлдон устроили на борту «Пилигрима» как можно удобнее. На корме не было ни юта, ни рубки, и, следовательно, отсутствовали каюты для пассажиров. Миссис Уэлдон предоставили крошечную каюту капитана Гуля. Это было лучшее помещение на судне. Да еще пришлось уговаривать деликатную женщину занять его. В этой тесной каморке с нею поселились маленький Джек и старуха Нан. Там они завтракали и обедали вместе с капитаном и кузеном Бенедиктом, которому отвели клетушку на носу судна. Капитан Гуль перебрался в каюту, предназначенную для его помощника. Но экипаж «Пилигрима» ради экономии не был укомплектован полностью, и капитан обходился без помощника.

Команда «Пилигрима» – пять искусных и опытных моряков, державшихся одинаковых взглядов и одинаковых привычек, – жила мирно и дружно. Они плавали вместе уже четвертый промысловый сезон. Все матросы были американцами, все с побережья Калифорнии и с давних пор знали друг друга.

Эти славные люди были очень предупредительны по отношению к миссис Уэлдон как к жене судовладельца, к которому они питали беспредельную преданность. Надо сказать, что все они были широко заинтересованы в прибылях китобойного промысла и до сих пор получали немалый доход от каждого плавания. Если они и трудились, не жалея сил, так как судовая команда была весьма невелика, то всякая лишняя работа увеличивала их долю в доходах при подведении баланса по окончании сезона. На этот раз, правда, не ожидалось почти никакого дохода, и потому они с достаточным основанием проклинали «этих негодяев из Новой Зеландии».

Только один человек на судне не был американцем по происхождению. Негоро, выполнявший на «Пилигриме» скромные обязанности судового кока, родился в Португалии. Впрочем, и он отлично говорил по-английски. После того как в Окленде сбежал прежний кок, Негоро предложил свои услуги. Этот хмурый на вид, неразговорчивый человек сторонился товарищей, но дело свое знал неплохо. У капитана Гуля, который его нанял, очевидно, был верный глаз: за время своей работы на «Пилигриме» Негоро не заслужил ни малейшего упрека.

Этот хмурый на вид, неразговорчивый человек сторонился товарищей, но дело свое знал неплохо

И все-таки капитан Гуль сожалел, что не успел навести справки о прошлом нового кока. Внешность португальца, вернее – его бегущий взгляд не очень нравились капитану. В том крохотном, тесном мирке, каким является китобойное судно, каждый человек на счету, и, прежде чем допустить незнакомца в этот мирок, необходимо все узнать о его прежней жизни.

Негоро было около сорока лет. Худощавый, жилистый, черноволосый и смуглый, он, несмотря на небольшой рост, производил впечатление сильного человека. Получил ли он какое-нибудь образование? По-видимому, да, если судить по замечаниям, которые у него изредка вырывались. Негоро никогда не говорил о своем прошлом, о своей семье.

Никто не знал, где он жил и что делал раньше. Никто не ведал, чего ждет он от будущего. Известно было только, что он намерен списаться на берег в Вальпараисо. Окружающие считали его странным человеком.

Негоро, очевидно, не был моряком. Больше того – товарищи по шхуне заметили, что в морских делах он смыслит меньше, чем всякий кок, который значительную часть своей жизни провел в плаваниях. Но ни боковая, ни килевая качка на него не действовали, морской болезнью, которой подвержены новички, он не страдал, а это уже немалое преимущество для судового повара.

Негоро редко выходил на палубу. Весь день он проводил на своем крохотном камбузе, большую часть площадки которого занимала кухонная плита. С наступлением ночи, погасив огонь в плите, Негоро удалялся в свою каморку, отведенную ему на носу. Там он тотчас же ложился спать.

Как уже было сказано, экипаж «Пилигрима» состоял из пяти бывалых матросов и одного юного новичка.

Этот пятнадцатилетний матрос был сыном неизвестных родителей. В младенческом возрасте его нашли у чужих дверей, и вырос он в воспитательном доме.

Дик Сэнд – так звали его – по-видимому, родился в штате Нью-Йорк, а может быть, и в самом городе Нью-Йорке.

Имя Дик, уменьшительное от Ричарда, было дано подкидышу в честь сострадательного прохожего, который подобрал его и доставил в воспитательный дом. Фамилия Сэнд служила напоминанием о том месте, где был найден Дик, – о песчаной косе Сэнди-Гук в устье реки Гудзон, у входа в Нью-Йоркский порт.

Дик Сэнд был невысок и не обещал стать в дальнейшем выше среднего роста, но крепко сколочен. В нем сразу чувствовался англосакс, хотя он был темноволос и с огненным взглядом голубых глаз. Трудная работа моряка уже подготовила его к житейским битвам. Его умное лицо дышало энергией. Это было лицо человека не только смелого, но и способного дерзать.

Часто цитируют три слова незаконченного стиха Вергилия: «*Audaces fortuna juvat...*» («Смелым судьба помогает...»), но цитируют неправильно. Поэт сказал: «*Audentes fortuna juvat...*» («Дерзающим судьба помогает...»). Дерзающим, а не просто смелым почти всегда улыбается судьба. Смелый может иной раз действовать необдуманно. Дерзающий сначала думает, затем действует. В этом тонкое различие. Дик Сэнд был «*audens*» – дерзающий.

В пятнадцать лет он умел уже принимать решения и доводить до конца все то, на что обдуманно решился. Его оживленное и серьезное лицо привлекало внимание. В отличие от большинства своих сверстников Дик был скуп на слова и жесты. В возрасте, когда дети еще не задумываются о будущем, Дик осознал свою участь и пообещал себе «стать человеком» своими силами.

И он добился своего: он был уже взрослым в ту пору, когда его сверстники еще оставались детьми. Ловкий, подвижный и сильный, Дик был одним из тех одаренных людей, о которых можно сказать, что они родились с двумя правыми руками и двумя левыми ногами: что бы они ни делали – им все «с руки», с кем бы они ни шли – они всегда ступают «в ногу».

Как уже было сказано, Дика воспитывали за счет общественной благотворительности. Сначала поместили его в приют для подкидышей, каких много в Америке. В четыре года стали учить его чтению, письму и счету в одной из тех школ штата Нью-Йорк, которые содержатся на пожертвования великодушных благотворителей. Восьми лет его пристроили юнгой на судно, совершавшее рейсы в южные страны; к морю у него было врожденное влечение. На корабле он стал изучать морское дело, которому и следует учиться с детских лет. Судовые офицеры хорошо относились к пыливому мальчугану и охотно руководили его занятиями. Юнга вскоре должен был стать младшим матросом в ожидании лучшего.

Тот, кто с детства знает, что труд есть закон жизни, кто смолоду понял, что хлеб добывается только в поте лица (заповедь Библии, ставшая правилом для человечества), тот предназначен для больших дел, ибо в нужный день и час у него найдутся воля и силы для свершения их.

Капитан Гуль, командовавший торговым судном, на котором служил Дик, обратил внимание на способного юнгу. Бравый моряк полюбил смелого мальчика, а вернувшись в Сан-Франциско, рассказал о нем Джемсу Уэлдону. Тот заинтересовался судьбой Дика, определил его в школу в Сан-Франциско и помог окончить ее; воспитывали его в католической вере, которой придерживалась и семья самого судовладельца.

Дик жадно поглощал знания, особенно его интересовали география и история путешествий; он ждал, когда вырастет и начнет изучать ту часть математики, которая имеет отношение к навигации. Окончив школу, он поступил младшим матросом на китобойное судно своего благодетеля Джемса Уэлдона. Дик знал, что «большая охота» – китобойный промысел – не менее важна для воспитания настоящего моряка, чем дальние плавания. Это отличная подготовка к профессии моряка, чреватой всяческими неожиданностями. К тому же этим учеб-

ным судном оказался «Пилигрим», плававший под командованием его покровителя – капитана Гуля. Таким образом, молодому матросу были обеспечены наилучшие условия для обучения.

Стоит ли говорить, что юноша был глубоко предан семье Уэлдона, которой он был стольким обязан? Пусть факты говорят сами за себя. Легко представить себе, как обрадовался Дик, когда узнал, что миссис Уэлдон с сыном совершат плавание на «Пилигриме». Миссис Уэлдон в продолжение нескольких лет заменяла Дику мать, а маленького Джека он любил как родного брата, хотя и понимал, что положение у него совсем иное, чем у сына богатого судовладельца. Но его благодетели отлично знали, что семена добра, которые они посеяли, упали на плодородную почву. Сердце сироты Дика было полно благодарности, и он не колеблясь отдал бы жизнь за тех, кто помог ему получить образование и научил любить Бога.

В общем, пятнадцатилетний юноша действовал и мыслил как взрослый человек тридцати лет – таков был Дик Сэнд.

Миссис Уэлдон высоко ценила Дика и понимала, что может всецело положиться на его преданность. Она охотно доверяла ему своего маленького Джека. Ребенок льнул к Дику, понимая, что «старший братец» любит его.

Плавание в хорошую погоду в открытом море, когда все паруса поставлены и не требуют маневрирования, оставляет матросам много досуга. Дик все свободное время отдавал маленькому Джеку. Молодой матрос развлекал ребенка, показывал ему все, что могло быть для мальчика занимательным в морском деле. Миссис Уэлдон без страха смотрела на то, как Джек взбирался по вантам на мачту или даже на салинг брам-стенги и стрелой скользил по снастям вниз на палубу. Дик Сэнд всегда был возле малыша, готовый поддержать, подхватить его, если бы ручонки пятилетнего Джека вдруг ослабели. Упражнения на вольном воздухе шли на пользу ребенку, только что перенесшему тяжелую болезнь; морской ветер и ежедневная гимнастика быстро возвратили здоровый румянец его побледневшим щекам.

В таких условиях совершался переход из Новой Зеландии в Америку. Не будь восточных ветров, у экипажа «Пилигрима» и пассажиров не было бы никаких оснований к недовольству.

Однако упорство восточного ветра не нравилось капитану Гулю. Ему никак не удавалось лечь на более благоприятный курс. К тому же он опасался на дальнейшем пути попасть в полосу штилей у тропика Козерог, не говоря о том, что экваториальное течение могло больше отбросить его на запад. Капитан беспокоился главным образом о миссис Уэлдон, хотя и признавал, что он неповинен в этой задержке. Если бы неподалеку от «Пилигрима» прошел какой-нибудь океанский пароход, направляющийся в Америку, он непременно уговорил бы свою пассажирку пересесть на него. Но, к несчастью, «Пилигрим» находился под такой высокой широтой, что трудно было надеяться встретить пароход, следующий в Панаму. Да и сообщение между Австралией и Новым Светом через Тихий океан в то время не было столь частым, каким оно стало впоследствии.

Капитану Гулю оставалось только ждать, пока погода не смиростивится над ним. Казалось, ничто не должно было нарушить однообразия этого морского перехода, как вдруг 2 февраля, под широтой и долготой, указанными в начале этой повести, произошло неожиданное событие.

День был солнечный и ясный. Часов около девяти утра Дик Сэнд и Джек забрались на салинг фор-брам-стенги; оттуда им видна была вся палуба корабля и плещущий далеко внизу океан. Кормовая часть горизонта заслонялась грот-мачтой, которая несла косой грот и топсель. Перед их глазами над волнами поднимался острый бушприт с тремя туго натянутыми кливерами, похожими на три крыла неравной величины. Под ногами у них вздувалось полотнище фока, а над головой – фор-марсель и брамсель. Шхуна-бриг держалась возможно круче к ветру.

Дик Сэнд объяснял Джеку, почему правильно нагруженный и уравновешенный во всех своих частях «Пилигрим» не может опрокинуться, хотя он и дает довольно сильный крен на штирборт, как вдруг мальчик прервал его восклицанием:

– Что это?!

– Ты что-нибудь увидел, Джек? – спросил Дик Сэнд, выпрямившись во весь рост на рее.

– Да, да! Вон там! – сказал Джек, указывая пальчиком на какую-то точку, видневшуюся в просвете между кливером и стакселем.

Вглядевшись в ту сторону, куда указывал Джек, Дик Сэнд крикнул во весь голос:

– С правого борта, впереди, под ветром, обломок судна!

Глава III

Судно, потерпевшее крушение

Возглас Дика Сэнда всполошил весь экипаж. Свободные от вахты матросы бросились на палубу. Капитан Гуль вышел из своей каюты. Миссис Уэлдон, Нан и даже невозмутимый кузен Бенедикт, облокотившись о поручни штирборта, с пристальным вниманием разглядывали обломок судна, видневшийся на море.

Только Негоро остался в каморке, которая служила на судне камбузом. Из всей команды лишь его одного не заинтересовала эта неожиданная встреча.

Замеченный мальчиком предмет покачивался на волнах примерно в трех милях от «Пилигрима».

– Что бы это могло быть? – спросил один из матросов.

– По-моему, плот! – ответил другой.

– Может быть, там люди?.. Несчастные терпят бедствие... – сказала миссис Уэлдон.

– Подойдем поближе – узнаем, – ответил капитан Гуль. – Однако мне кажется, что это не плот, скорее это опрокинувшийся набок корпус корабля...

– Нет!.. По-моему, это гигантское морское животное! – заявил кузен Бенедикт.

– Не думаю, – сказал юноша.

– А что же это, по-твоему, Дик? – спросила миссис Уэлдон.

– Я полагаю так же, как и капитан Гуль, что это накренившийся набок корпус судна, миссис Уэлдон. Мне кажется, что я различаю даже, как блестит на солнце его обшитый медью киль.

– Да... да... теперь и я вижу, – подтвердил капитан. И, повернувшись к рулевому, он скомандовал:

– Спускайся под ветер, Болтон, держи прямо на это судно!

– Есть, капитан! – ответил рулевой.

– Я остаюсь при своем мнении, – заявил кузен Бенедикт. – Бесспорно, перед нами морское животное.

– В таком случае это медный кит, – сказал капитан Гуль. – Глядите, как он сверкает на солнце.

– Если это и кит, кузен Бенедикт, то во всяком случае мертвый, – заметила миссис Уэлдон. – Ясно видно, что он лежит без движения.

– Что ж из этого, кузина Уэлдон? – настаивал на своем ученый. – Мало ли было случаев, когда корабли встречали спящих на воде китов!

– Совершенно верно, – сказал капитан Гуль. – И все-таки перед нами не спящий кит, а судно.

– Посмотрим, – ответил упрямец.

Впрочем, кузену Бенедикту не было никакого дела до китов, и он променял бы всех млекопитающих арктических и антарктических морей на одно редкое насекомое.

– Одерживай, Болтон, одерживай! – крикнул капитан Гуль. – Не надо подходить к судну ближе чем на кабельтов. Мы-то уж ничем не можем повредить этому обломку, но мне вовсе не улыбается, чтобы он помял бока «Пилигриму». Приводи в бейдевинд!

Легким движением руля «Пилигрим» повернули немного влево.

Шхуна-бриг находилась на расстоянии одной мили от погибшего корабля. Матросы с жадным любопытством вглядывались в опрокинувшееся набок судно. Быть может, в трюмах его хранился ценный груз, который удастся перегрузить на «Пилигрим»? Известно, что за спасение груза с тонущего корабля выдается премия в размере одной трети его стоимости. Если

содержимое трюма не повреждено водой, экипаж «Пилигрима» мог получить «хороший улов» – за один день возместить неудачу целого сезона.

Через четверть часа «Пилигрим» был уже в полумиле от плавающего предмета. Теперь не осталось никаких сомнений: это действительно был корпус опрокинувшегося на бок корабля. Палуба его стояла почти отвесно. Мачты были снесены. От всех снастей остались лишь повисшие обрывки троса и порванные такелажные цепи. На скуле правого борта зияла большая пробоина. Крепление и обшивка были вмяты внутрь пробоины.

– Этот корабль столкнулся с каким-то другим судном! – воскликнул Дик Сэнд.

– Да, несомненно, – подтвердил капитан Гуль. – Но меня поражает, что он тут же не затонул. Это просто чудо.

– Будем надеяться, что корабль, который налетел на это судно, снял с него всю команду, – заметила миссис Уэлдон.

– Да, будем надеяться, миссис Уэлдон, – ответил капитан Гуль. – Но вполне возможно, что экипажу после столкновения пришлось спасаться на собственных шлюпках. К сожалению, морская практика знает случаи, когда виновники аварии, не заботясь об участии пострадавшей команды, спокойно продолжали свой путь.

– Не может быть, капитан! Ведь это ужаснейшая бесчеловечность!

– К сожалению, так бывает, миссис Уэлдон. Примеров сколько угодно. Судя по тому, что на этом корабле не осталось ни одной шлюпки, надо полагать, что команда покинула его. Будем надеяться, что несчастных подобрало встречное судно. Ведь отсюда почти невозможно добраться до суши на шлюпках – слишком велико расстояние до ближайших островов и тем более до американского континента.

– Удастся ли когда-нибудь разгадать тайну этой катастрофы? – сказала миссис Уэлдон. – Как вы думаете, капитан Гуль, остался на судне кто-нибудь из команды?

– Это маловероятно, миссис Уэлдон, – ответил капитан Гуль. – Нас бы уже давно заметили и подали какой-нибудь сигнал. Впрочем, мы сейчас проверим это... Держи немного круче к ветру, Болтон, приводи в крутой бейдевинд! – крикнул капитан, указывая рукой направление.

«Пилигрим» был всего в трех кабельтовых от потерпевшего крушение корабля. Теперь уже не было никаких сомнений, что команда покинула его.

Внезапно Дик Сэнд жестом попросил всех замолчать.

– Слушайте! Слушайте! – воскликнул он. Все насторожились.

– Кажется, собака лает...

Из корпуса тонущего корабля действительно доносился собачий лай. Там, несомненно, была живая собака. Должно быть, она не могла выйти, потому что люки были закрыты. Во всяком случае, ее не было видно.

– Если даже там осталась одна лишь собака, – спасем ее, капитан, – сказала миссис Уэлдон.

– Да, да, – воскликнул маленький Джек. – Надо спасти собачку! Я сам буду кормить ее. Она нас полюбит... Мама, я сейчас сбегаю принесу ей кусочек сахара!

– Стой на месте, сынок, – улыбаясь, сказала миссис Уэлдон. – Бедное животное, должно быть, умирает с голоду и, вероятно, предпочло бы похлебку твоему сахару.

– Так отдай ей мой суп, – сказал мальчик. – Я могу обойтись без супа!

Между тем лай с каждой минутой слышался все явственнее. Между двумя кораблями было теперь менее трехсот футов расстояния. Вдруг над бортом показалась голова крупного пса. Уцепившись передними лапами за фальшборт, животное отчаянно лаяло.

– Говик! – позвал капитан боцмана. – Ложитесь в дрейф и велите спустить на воду шлюпку.

– Держись, собачка! Держись! – кричал Джек, и собака, казалось, отвечала ему глухим лаем.

Паруса «Пилигрима» быстро были обрасоплены таким образом, что он оставался почти неподвижным в полукабельтове от потерпевшего крушение судна.

Шлюпка уже покачивалась на волне. Капитан Гуль, Дик Сэнд и два матроса соскочили в нее.

Собака цеплялась за фальшборт, срываясь с него, падала на палубу и лаяла, не переставая; но казалось, что она лаяла не на быстро приближавшуюся шлюпку. Может быть, она звала пассажиров или матросов, запертых, как в тюрьме, на потерпевшем крушение судне?

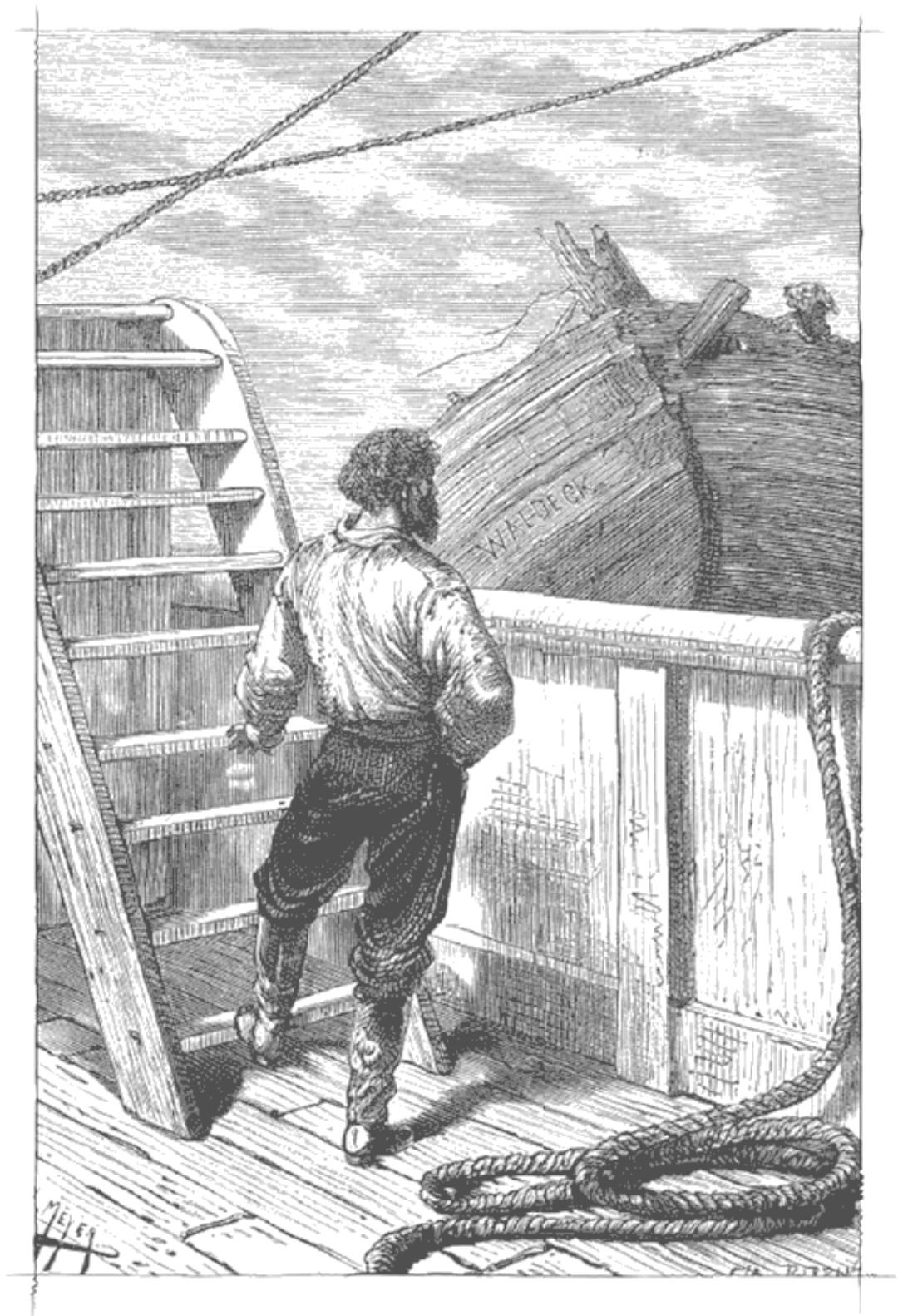
«Неужели там есть живые люди?» – думала миссис Уэлдон.

Шлюпка была уже близка к цели – еще несколько взмахов весел, и она подойдет к опрокинувшемуся корпусу судна.

Собака снова залаяла. Но теперь она уже не призывала своим лаем спасителей на помощь. Наоборот, в ее лае и рычанье слышалась яростная злоба. Всех удивила такая странная перемена.

– Что с собакой? – спросил капитан Гуль, когда шлюпка огибала корму судна, чтобы пристать к борту, погрузившемуся в воду.

Ни капитан Гуль, ни даже оставшиеся на «Пилигриме» матросы не заметили, что собака стала угрожающе рычать как раз в ту минуту, когда Негоро, выйдя из камбуза, появился на баке.

Собака стала угрожающе рычать как раз в ту минуту, когда Негоро, выйдя из камбуза, появился на баке

Неужели собака знала судового кока? Предположение совершенно неправдоподобное. Как бы там ни было, но, мельком взглянув на бешено лающего пса и ничем не выразив удивления, Негоро только нахмурился на мгновение, повернулся и ушел обратно на камбуз. Шлюпка обогнула корму судна. Надпись на корме гласила: «Вальдек».

Наименование порта, к которому приписано судно, не было обозначено. Но по форме корпуса, по некоторым особенностям конструкции, которые сразу бросаются в глаза моряку, капитан Гуль установил, что корабль американский. Да и название подтверждало эту догадку. Корпус – вот все, что уцелело от большого брига водоизмещением в пятьсот тонн.

На носу «Вальдека» зияла широкая пробоина – след рокового столкновения. Благодаря тому что судно дало крен, пробоина поднялась над водой на пять-шесть футов, и «Вальдек» не затонул.

На палубе не было ни души.

Собака, оставив борт, добралась по наклонной палубе до открытого центрального люка и, просунув в него голову, отчаянно залаяла.

– Очевидно, этот пес – не единственное живое существо на корабле, – заметил Дик Сэнд.

– Я и сам так думаю, – сказал капитан Гуль. Шлюпка плыла теперь вдоль полузатонувшего борта. Первая же большая волна неминуемо должна была пустить «Вальдек» ко дну.

На палубе брига все было начисто сметено. Торчали только основания грот-мачты и фок-мачты, переломленные в двух футах от пяртнерса. Очевидно, мачты рухнули при столкновении и упали за борт, увлекая за собой паруса и снасти. Однако, сколько видел глаз, нельзя было обнаружить никаких обломков. Из этого можно было сделать только один вывод: катастрофа с «Вальдеком» произошла уже много дней назад.

– Если люди и уцелели после столкновения, – сказал капитан Гуль, – то, вероятнее всего, они погибли от жажды и голода: ведь камбуз залит водой. Должно быть, на борту судна остались одни трупы.

– Нет! – воскликнул Дик Сэнд. – Нет! Собака не стала бы так лаять. Тут есть живые.

И он позвал собаку. Умное животное тотчас же соскользнуло в море и, едва перебирая лапами от слабости, поплыло к шлюпке. Когда собаку втащили в лодку, она с жадностью набросилась не на сухарь, который протянул ей Дик Сэнд, а на ведро с пресной водой.

Умное животное тотчас же соскользнуло в море и, едва перебирая лапами от слабости, поплыло к шлюпке

– Бедная собака умирает от жажды! – воскликнул Дик Сэнд.

В поисках удобного места для причала шлюпка отошла на несколько футов от палубы тонувшего корабля. Собака, очевидно, решила, что ее спасители не хотят подняться на борт. Схватив Дика Сэнда за полу куртки, она громко и жалобно залаяла.

Все движения собаки и ее лай были понятнее всяких слов.

Шлюпка подошла к крамболу левого борта. Матросы надежно закрепили ее, а капитан Гуль с Диком Сэндом поднялись на палубу, взяв с собой собаку. Не без труда, ползком, добрались они до отверстия центрального люка, зиявшего между двумя обломками мачт, и спустились в трюм.

В наполовину затопленном трюме не было никаких товаров. Балластом бригу служил песок; теперь он пересыпался на бакборт и своей тяжестью удерживал судно на боку. Надежды на ценный груз не оправдались. Тут нечего было спасать.

– Здесь нет никого, – сказал капитан Гуль.

– Никого, – подтвердил юноша, пройдя в переднюю часть трюма.

Но собака на палубе продолжала заливаться лаем, как будто настойчиво требовала внимания людей.

– Здесь делать нечего, – сказал капитан Гуль. – Идем назад.

Они поднялись на палубу.

Собака подбежала к ним, потом поползла к юту, как будто звала их туда.

И люди пошли за нею.

Пять человек – вероятно, пять трупов – лежали в кубрике.

При ярком дневном свете, проникавшем в отверстие меж двумя балками, капитан Гуль увидел, что это были негры.

Дику Сэнду, переходившему от одного к другому, показалось, что несчастные еще дышат.

– На борт «Пилигрима»! Всех на борт! – приказал капитан Гуль.

Матросы, оставшиеся в шлюпке, были призваны на помощь. Они помогли вынести потерпевших крушение из кубрика.

Это было нелегкое дело, но через несколько минут всех пятерых спустили в шлюпку. Никто из них не приходил в сознание. Однако капитан Гуль надеялся, что несколько капель лекарства и глоток другой воды возвратят этих людей к жизни.

«Пилигрим» лежал в дрейфе всего в полукабельтове, и шлюпка быстро подплыла к нему.

При помощи подъемного гордения, спущенного с грот-мачты, потерпевших крушение поочередно подняли на палубу «Пилигрима». Собака также не была забыта.

– О, несчастные! – воскликнула миссис Уэлдон при виде пяти распростертых неподвижных тел.

– Они живы, миссис Уэлдон! – сказал Дик Сэнд. – Они еще живы. Мы их спасем!

– Что с ними случилось? – спросил кузен Бенедикт.

– Дайте им прийти в себя, и они расскажут нам свою историю, – ответил капитан Гуль. –

Но сначала их надо напоить водой и дать им немножко рому.

И, повернувшись к камбузу, он громко крикнул:

– Негоро!

При этом имени собака вся вытянулась, словно делая стойку, глухо заворчала, а шерсть у нее поднялась дыбом. Кок не показывался и не отвечал.

– Негоро! – еще громче крикнул капитан Гуль.

Собака яростно зарычала.

Негоро вышел из камбуза.

Не успел он сделать и шагу, как собака прыгнула, стремясь вцепиться ему в горло.

Португалец отшвырнул ее ударом кочерги, которой он вооружился, выходя из камбуза. Двое матросов схватили собаку и удержали ее силой.

– Вы знаете этого пса? – спросил капитан Гуль у кока.

– Я? – удивленно воскликнул Негоро. – И в глаза его никогда не видел!

– Вот странно! – прошептал Дик Сэнд.

Глава IV

Спасенные с «Вальдека»

Работоторговля все еще широко распространена во всей Экваториальной Африке. Несмотря на то, что вдоль берегов континента крейсируют английские и французские военные корабли, суда работоторговцев по-прежнему вывозят из Анголы и Мозамбика негров-невольников. Спрос на «черный товар» все еще велик во многих странах, и, надо сказать, – даже цивилизованного мира.

Капитану Гулю это было известно.

Хотя та часть океана, где сейчас находился «Пилигрим», лежала в стороне от обычных путей невольничьих судов, капитан Гуль подумал, что спасенные негры, вероятно, принадлежали к партии рабов, которых «Вальдек» вез для продажи в какую-нибудь колонию на Тихом океане.

На «Пилигриме» спасенных негров окружили самым заботливым уходом. Миссис Уэлдон с помощью Нан и Дика Сэнда поила их с ложки холодной водой, которой они, вероятно, были лишены несколько дней.

На «Пилигриме» спасенных негров окружили самым заботливым уходом

В конце концов вода, которой они так долго были лишены, и несколько глотков бульона вернули бедных негров к жизни. Один из них – на вид старик лет шестидесяти – говорил по-английски; вскоре он уже был в состоянии отвечать на вопросы.

– Что случилось с «Вальдеком»? – спросил прежде всего капитан Гуль. – Он столкнулся с другим судном?

– Дней десять тому назад, темной ночью, когда все спали, на нас налетел какой-то корабль, – ответил старый негр.

– Что стало с командой «Вальдека»?

– Не знаю. Когда мы поднялись на палубу, там уже никого не было, господин.

– Вы думаете, что экипаж «Вальдека» успел перебраться на борт того судна, которое столкнулось с «Вальдеком»?

– Надо надеяться, что так было, господин.

– И это судно после столкновения не остановилось, чтобы подобрать пострадавших?

– Нет.

– Может быть, оно затонуло?

– О нет, – покачив головой, ответил старый негр, – мы видели, как оно удалялось.

То же самое утверждали и все спасенные с «Вальдека». Как бы это ни казалось невероятным, однако действительно часто случается, что капитан корабля, по вине которого произошло какое-нибудь ужасное столкновение, спешит поскорее скрыться, нимало не заботясь о несчастных, которых он обрек на гибель, и даже не пытается оказать им помощь!

Строгого осуждения заслуживает возница, наехавший на улице на прохожего и пытающийся скрыться, предоставляя другим заботу о жертве своей неосторожности. Но пострадавшему от несчастного случая на улице быстро окажут первую помощь. А что же сказать о людях, которые бросают на произвол судьбы утопающих в открытом море? Такие люди позорят человеческий род!

Капитан Гуль мог бы рассказать о многих случаях такой бесчеловечной жестокости. Он повторил миссис Уэлдон, что, как ни чудовищны подобные факты, они, к сожалению, не так уж редки.

Затем он продолжал допрос:

– Откуда шел «Вальдек»?

– Из Мельбурна.

– Значит, вы не рабы?

– Нет, господин, – живо ответил негр, выпрямившись во весь рост. – Мы жители Пенсильвании, граждане свободной Америки.

– Друзья мои, – сказал капитан, – знайте, что на борту «Пилигрима», американского брига, никто не будет покушаться на вашу свободу.

Действительно, пять негров, спасенных «Пилигримом», были из штата Пенсильвания. самого старого из них продали в рабство шестилетним ребенком. Из Африки его доставили в Соединенные Штаты. Здесь он получил свободу после отмены рабства. Младшие его спутники родились свободными гражданами, и никто из белых не вправе был назвать их своей собственностью. Они даже не знали того жаргона, на котором говорили негры перед войной⁷, жаргона, где не существовало спряжения и глаголы всегда употреблялись только в неопределенном наклонении. Эти негры, как свободные граждане, покинули Америку и свободными же гражданами возвращались обратно.

Старик негр рассказал капитану Гулю, что его спутники и сам он поступили на плантацию некоего англичанина неподалеку от Мельбурна, в Южной Австралии. Они проработали там три года и, скопив денег, по окончании контракта решили вернуться на родину.

Они уплатили за проезд на «Вальдеке» как обыкновенные пассажиры и 5 января отплыли из Мельбурна. Спустя семнадцать суток, темной ночью, «Вальдек» столкнулся с каким-то боль-

---

⁷ Речь идет о Гражданской войне 1861–1865 годов в Северной Америке между северными и южными штатами. Северяне официально отменили рабство негров.

шим кораблем. Негры спали. Их разбудил страшный толчок. Через несколько секунд они выбежали на палубу.

Мачты уже рухнули за борт, и «Вальдек» лежал на боку; но он не пошел ко дну, так как в трюм попало сравнительно немного воды.

Капитан и команда «Вальдека» исчезли: вероятно, одних сбросило в море, другие уцепились за снасти налетевшего корабля, который после столкновения с «Вальдеком» поспешил скрыться.

Пятеро негров остались на потерпевшем крушение судне, в тысяче двухстах милях от ближайшей земли.

Старшего из негров звали Томом. Спутники признавали его своим руководителем. Этим Том был обязан не только возрасту, но и своей энергии и большому опыту, накопленному за долгую трудовую жизнь. Остальные негры были молодые люди в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет. Звали их: Бат, Остин, Актеон и Геркулес. Бат был сыном старика Тома.

Все четверо были рослыми и широкоплечими молодцами – на невольничьих рынках Центральной Африки за них дали бы высокую цену. Сейчас они были изнурены, измучены, но все же сразу бросалась в глаза могучая стать этих великолепных представителей крепкой черной расы и чувствовалось также, что на них наложило свою печать некоторое воспитание, полученное ими в одной из многочисленных школ Северной Америки.

Итак, после катастрофы Том и его товарищи остались в одиночестве. Они не могли ни исправить повреждения «Вальдека», ни покинуть его, потому что обе шлюпки разбились при столкновении. Спасти их могла только встреча с каким-нибудь кораблем. Потеряв управление, «Вальдек» стал игрушкой ветра и течения. Этим и объясняется, что «Пилигрим» встретил потерпевшее крушение судно в стороне от его курса, много южнее обычного пути кораблей, следующих из Мельбурна в Соединенные Штаты.

В течение десяти дней, которые прошли с момента катастрофы до появления «Пилигрима», пятеро негров питались продуктами, найденными в буфете кают-компаний.

Бочки с пресной водой, хранившиеся на палубе, разбились при столкновении, а камбуз, в котором можно было достать спиртные напитки, был залит водой.

На девятый день Том и его товарищи, жестоко страдавшие от жажды, потеряли сознание; «Пилигрим» как раз вовремя подоспел на помощь.

В немногих словах Том рассказал все это капитану Гулю. Не было никаких оснований сомневаться в правдивости рассказа старого негра. Сами факты говорили за это, да и спутники Тома подтверждали его слова.

Другое живое существо, спасенное с тонущего корабля, вероятно, повторило бы то же самое, будь оно наделено даром речи. Речь идет о собаке, которая пришла в такую ярость, когда увидела Негоро. Было что-то странное в этой антипатии животного к судовому коку.

Динго – так звали собаку – был из породы крупных сторожевых собак, какие водятся в Новой Голландии⁸. Однако капитан «Вальдека» приобрел Динго не в Австралии. Два года назад капитан нашел полумертвую от голода собаку на западном берегу Африки близ устья реки Конго. Ему понравилось прекрасное животное, и он взял его к себе на корабль. Однако Динго не привязался к новому владельцу. Можно было подумать, что он тоскует по прежнему хозяину, с которым его насильно разлучили и которого невозможно было разыскать в этой пустынной местности.

Две буквы – «С» и «В», выгравированные на ошейнике, – вот все, что связывало собаку с ее прошлым, остававшимся для нового хозяина неразрешимой загадкой.

Динго был большим, сильным псом, крупнее пиренейских собак, и мог считаться превосходным образцом новоголландской породы собак. Когда он вставал на задние лапы и вскиды-

---

⁸ Новая Голландия – старинное название Австралии.

вал голову, то был ростом с человека. Мускулистые, сильные, необычайно подвижные родичи Динго не колеблясь нападают на ягуара и пантеру и не боятся в одиночку бороться с медведем. Шерсть у Динго была густая, темно-рыжая, с белесоватыми подпалинами на морде, хвост длинный, пушистый в упругий, как у льва. Такая собака в разъяренном состоянии могла стать опасным врагом, и неудивительно, что Негоро не был в восторге от приема, который ему оказал этот сильный пес.

Динго не отличался общительностью, но его нельзя было назвать и злым. Скорее он казался грустным. Старый Том еще на «Вальдеке» заметил, что Динго как будто недолюбливает негров. Он не пытался причинить им зло, но неизменно держался от них в стороне. Быть может, во время его блужданий по африканскому побережью туземцы дурно обращались с ним? Так или иначе, но он не подходил к Тому и его товарищам, хотя это были славные, добрые люди. В те десять дней, которые они провели вместе на борту потерпевшего крушение корабля, Динго по-прежнему сторонился товарищей по несчастью. Как и чем он питался в эти дни, осталось неизвестным, но так же, как и люди, он жестоко страдал от жажды.

Вот и все, кто уцелел на потерпевшем крушение судне. При первом же волнении на море оно должно было затонуть и, конечно, унесло бы с собой в пучину океана лишь трупы. Но неожиданная встреча с «Пилигримом», который задержался в пути из-за штилей и противных ветров, дала возможность капитану Гулю совершить доброе дело.

Надо было только довести это дело до конца, вернув на родину спасенных с «Вальдека» негров, которые в довершение несчастья лишились всех своих сбережений, скопленных за три года работы. Это и предполагалось сделать. «Пилигрим», разгрузившись в Вальпараисо, должен был подняться вдоль американского побережья до берегов Калифорнии. И миссис Уэлдон великодушно обещала Тому и его спутникам, что там они найдут приют у ее мужа, мистера Джемса Уэлдона, и он снабдит их всем необходимым для возвращения в Пенсильванию. Несчастные могли теперь быть уверенными в будущем, и им оставалось лишь благодарить миссис Уэлдон и капитана Гуля. Действительно, бедные негры были им многим обязаны и, чувствуя себя в долгу перед ними, надеялись когда-нибудь доказать им на деле свою благодарность.

Глава V «С» и «В»

«Пилигрим» пошел дальше, стараясь, насколько возможно, держать курс на восток. Упорные штили немало беспокоили капитана Гуля. В том, что переход из Новой Зеландии в Вальпараисо продлится лишнюю неделю или две, не было ничего тревожного. Однако эта непредвиденная задержка могла утомить пассажиров.

Но миссис Уэлдон не жаловалась и терпеливо сносила все неудобства плавания.

К вечеру этого дня, 2 февраля, корпус «Вальдека» исчез из виду.

Капитан Гуль первым долгом постарался поудобнее устроить Тома и его спутников. Тесный кубрик «Пилигрима» не мог вместить лишних пять человек, и капитан решил отвести им место на баке. Впрочем, эти закаленные люди, привыкшие работать в тяжелых условиях, были непривередливы. В хорошую погоду – а дни стояли жаркие и сухие – они вполне могли там оставаться на все время плавания.

Жизнь на судне, однообразное течение которой лишь ненадолго нарушила встреча с «Вальдеком», снова вошла в колею.

Том, Остин, Бат, Актеон и Геркулес рады были всякой работе. Но когда ветер дует все время в одном направлении и паруса уже поставлены, на судне нечего делать. Зато, когда нужно было лечь на другой галс, старый негр и его товарищи спешили на помощь экипажу. И надо сказать, что, когда гигант Геркулес принимался тянуть какую-нибудь снасть, остальные матросы могли стоять сложа руки. Этот могучий человек, ростом в шесть футов с лишком, мог заменить собой лебедку.

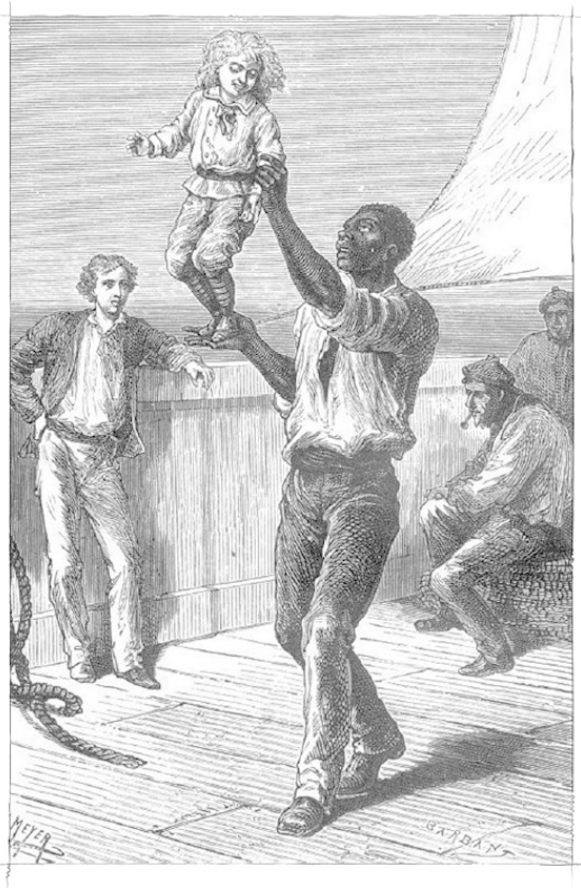
Маленький Джек с восхищением смотрел, как работает великан. Он нисколько не боялся Геркулеса, когда тот высоко подкидывал его в воздух, словно куклу. Джек визжал от восторга.

Маленький Джек с восхищением смотрел, как работает великан

- Еще выше, Геркулес! – кричал он.
- Извольте, мистер Джек, – отвечал Геркулес.
- А тебе не тяжело?
- Да вы как перышко!
- Тогда подними меня высоко-высоко! Как можно выше!

И когда Геркулес, подставив свою широкую ладонь, предлагал Джеку стать на нее обеими ножками и, вытянув руку, ходил с мальчиком по палубе, словно цирковой атлет, Джек глядел на всех сверху вниз и, воображая себя великаном, от души веселился. Он старался «сделаться тяжелее», но Геркулес даже не замечал его усилий.

Геркулес, вытянув руку, ходил с мальчиком по палубе, словно цирковой атлет

Таким образом, у маленького Джека уже стало два друга: Дик Сэнд и Геркулес. Вскоре он приобрел и третьего друга – Динго.

Как уже упоминалось, Динго был необщительным псом. Возможно, это свойство развилось у него на «Вальдеке», где люди пришлось ему не по вкусу. Но на «Пилигриме» характер собаки быстро изменился. Джек, очевидно, сумел завоевать сердце Динго. Собака с удовольствием играла с мальчиком, а ему эти игры доставляли большую радость. Скоро стало видно, что Динго был из тех собак, которые особенно любят детей. Правда, Джек никогда не мучил его. Но превращать пса в резвого скакуна, разве это не заманчиво? Можно смело сказать, что всякий ребенок предпочтет такую лошадку самому красивому деревянному коню, даже если у того к ногам привинчены колесики. Джек часто с упоением скакал верхом на Динго, который охотно выполнял эту прихоть своего маленького друга; худенький мальчуган был для него не более тяжелой ношей, чем жокей для скакового коня.

Зато какой урон терпел ежедневно запас сахара на камбузе!

Динго скоро стал любимцем всего экипажа. Один Негоро старался избегать встреч с Динго, который с первого же мгновения, непонятно почему, возненавидел его.

Однако увлечение собакой не охладило любви Джека к старому другу – Дику Сэнду. По-прежнему юноша проводил со своим маленьким приятелем все часы, свободные от вахты. Миссис Уэлдон, само собой разумеется, была очень довольна этой дружбой.

Однажды – это было 6 февраля – она заговорила с капитаном Гулем о Дике Сэнде. Капитан горячо хвалил молодого матроса.

– Ручаюсь вам, – говорил он миссис Уэлдон, – что этот мальчик станет замечательным моряком. Право, у него врожденный инстинкт моряка. Меня поражает, с какой быстротой он

усваивает знания в нашем деле, хотя не имеет теоретической подготовки, и как много он узнал за короткое время!

– К этому надо добавить, – сказала миссис Уэлдон, – что он честный и добрый юноша, не по летам серьезный и очень прилежный. За все годы, что мы знаем его, ни разу он не подал ни малейшего повода к недовольству им.

– Что и говорить! – подхватил капитан Гуль. – Славный малый этот Дик! Недаром все его так любят.

– Когда мы вернемся в Сан-Франциско, – продолжала миссис Уэлдон, – муж отдаст его в морское училище, чтобы он мог впоследствии получить диплом капитана.

– И очень хорошо сделает мистер Уэлдон, – заметил капитан Гуль. – Я уверен, что Дик Сэнд когда-нибудь станет гордостью американского флота.

– У бедного мальчика было тяжелое, сиротское детство. Он прошел трудную школу, – сказала миссис Уэлдон.

– Уроки ее не пропали даром. Дик понял, что только упорный труд поможет ему выбиться в люди, и сейчас он на правильном пути.

– Да, он будет человеком долга.

– Вот посмотрите на него, миссис Уэлдон, – продолжал капитан Гуль. – Он несет сейчас вахту у штурвала и не спускает глаз с фока. Он весь – сосредоточенность и внимание, поэтому судно не рыскает, а идет прямо по курсу. У мальчика уже сейчас сноровка старого рулевого. Хорошее начало для моряка! Знаете, миссис Уэлдон, ремеслом моряка надо заниматься с детства. Кто не начал службы юнгой, тот никогда не будет настоящим моряком, по крайней мере в торговом флоте. В детстве из всего извлекаешь уроки, и постепенно твои действия становятся не только сознательными, но и инстинктивными, и в результате моряк привыкает принимать решения так же быстро, как и маневрировать парусами.

– Однако, капитан, есть ведь немало отличных моряков и в военном флоте, – заметила миссис Уэлдон.

– Разумеется. Но насколько я знаю, почти все лучшие моряки с детства начали службу. Достаточно вспомнить Нельсона⁹, да и многих других, начинавших службу юнгами.

В эту минуту из каюты вышел кузен Бенедикт. Погруженный, по обыкновению, в свои мысли, он с рассеянным видом блуждал по палубе, заглядывая во все щели, шаря под клетками с курами, проводя пальцами по швам в обшивке борта, – там, где вар облупился.

– Как вы себя чувствуете, кузен Бенедикт? – спросила миссис Уэлдон.

– Благодарю вас, хорошо, кузина. Как всегда... Но мне не терпится поскорее вернуться на землю.

– Что вы там ищете под скамьей, мистер Бенедикт? – спросил капитан Гуль.

– Насекомых, сударь, насекомых! – сердито ответил кузен Бенедикт. – Что, по-вашему, я могу искать, если не насекомых?

– Насекомых? К сожалению, вам придется потерпеть: в открытом море вам вряд ли удастся пополнить свою коллекцию.

– Почему же так, сударь? Разве нельзя себе представить, что на корабле окажется несколько экземпляров...

– Нет, кузен Бенедикт, вы ничего тут не найдете, – прервала его миссис Уэлдон. – Сердитесь не сердитесь на капитана Гуля, но он содержит свой корабль в такой безукоризненной чистоте, что все ваши поиски будут напрасны.

Капитан Гуль рассмеялся.

– Миссис Уэлдон преувеличивает, – сказал он. – Однако, мне кажется, вы действительно потеряете напрасно время, если будете искать насекомых в каютах.

---

⁹ Горацио Нельсон (1758–1805) – флотоводец, вице-адмирал, имя которого стало символом военно-морской мощи Англии.

– Знаю, знаю! – досадливо пожав плечами, воскликнул кузен Бенедикт. – Я уже обшарил все каюты сверху донизу...

– Но в трюме, – продолжал капитан Гуль, – вы, пожалуй, найдете несколько тараканов, если они вас, конечно, интересуют!

– Разумеется, интересуют! Как могут не интересовать меня эти ночные прямокрылые насекомые, которые навлекли на себя проклятия Вергилия и Горация! – возразил кузен Бенедикт, гордо выпрямившись во весь рост. – Как могут не интересовать меня эти близкие родственники *Periplaneta orientalis* и американского альбиноса, тараканы, обитающие...

– Грязнящие... – сказал капитан Гуль.

– Царящие на борту! – гордо поправил его кузен Бенедикт.

– Тараканье царство!

– О, сразу видно, что вы не энтомолог, сударь!

– Ни в какой мере!

– Послушайте, кузен Бенедикт, – улыбаясь, сказала миссис Уэлдон, – надеюсь, вы не потребуете, чтобы из любви к науке мы безропотно отдали себя на съедение тараканам?

– Я ничего не требую, кузина! – ответил пылкий энтомолог. – Единственно, чего я добиваюсь, – это украсить свою коллекцию каким-нибудь редким экземпляром.

– Вы недовольны своими новозеландскими находками?

– Напротив, очень доволен, кузина. Мне посчастливилось поймать там экземпляр жука-стафилина, которого до меня находили только в Новой Каледонии, то есть на несколько сот миль дальше.

В эту минуту Динго, который все время играл с Джеком, подбежал к кузену Бенедикту.

– Поди прочь, поди прочь! – закричал тот, отталкивая собаку.

– О мистер Бенедикт! – воскликнул капитан Гуль. – Как можно любить тараканов и ненавидеть собак?

– Да еще таких хороших собачек! – сказал маленький Джек, обхватив обеими ручками голову Динго.

– Да... может быть... – проворчал кузен Бенедикт. – Но это мерзкое животное обмануло мои надежды.

– Как, кузен Бенедикт! – воскликнула миссис Уэлдон. – Неужели вы и Динго собирались зачислить в отряд двукрылых или перепончатокрылых?

– Нет, конечно, – вполне серьезно ответил ученый. – Но ведь Динго, хоть он и принадлежит к австралийской породе собак, был подобран на западно-африканском побережье!

– Совершенно верно, – подтвердила миссис Уэлдон. – Том слышал, как об этом говорил капитан «Вальдека».

– Так вот... я думал... я надеялся... что на этом животном окажутся какие-нибудь насекомые, присущие только западно-африканской фауне...

– О небо! – воскликнула миссис Уэлдон.

– И я полагал, что, может быть, на нем найдется какая-нибудь особенно злая блоха еще неизвестного, нового вида...

– Слышишь, Динго? – сказал капитан Гуль. – Слышишь, пес? Ты не выполнил своих обязанностей!

– Но я напрасно вычесал ему шерсть, – продолжал с нескрываемым огорчением энтомолог, – на нем не оказалось ни одной блохи!

– Если бы вам удалось найти блох, надеюсь, вы бы немедленно уничтожили их? – воскликнул капитан.

– Сударь, – сухо ответил кузен Бенедикт, – вам не мешает знать, что сэр Джон Франклин¹⁰ никогда напрасно не убивал насекомых, даже американских комаров, укусы которых несравненно болезненнее блошиных укусов. Полагаю, вы не станете оспаривать, что сэр Джон Франклин в морском деле кое-что смыслил?

– Верно! – с поклоном ответил капитан Гуль.

– Однажды его страшно искусал москит. Но Франклин только дунул на него и, отогнав, учтиво сказал: «Пожалуйста, уйдите. Мир достаточно велик для вас и для меня!»

– Ага! – произнес капитан Гуль.

– Да, сударь!

– А знаете ли вы, господин Бенедикт, – заметил капитан Гуль, – что другой человек сказал это много раньше, чем Франклин?

– Другой?

– Да. Звали его дядюшка Тоби.

– Кто он? Энтомолог? – живо спросил кузен Бенедикт.

– О нет, стерновский дядюшка Тоби¹¹ не был энтомологом, но это не помешало ему, без излишней, правда, учтивости, сказать мухе, которая жужжала около его носа: «Убирайся, бедняга! Свет велик, и мы можем жить, не стесняя друг друга».

– Молодчина этот дядюшка Тоби! – воскликнул кузен Бенедикт. – Он умер?

– Полагаю, что да, – невозмутимо ответил капитан Гуль, – так как он никогда не существовал.

Все смеялись, глядя на кузена Бенедикта.

Такие дружеские беседы помогали коротать долгие часы затянувшегося плавания. Само собой разумеется, что в присутствии кузена Бенедикта разговор неизменно вращался вокруг каких-нибудь вопросов энтомологической науки.

Море все время было спокойное, но слабый ветер еле надувал паруса шхуны-брига, и «Пилигрим» почти не подвигался на восток. Капитан Гуль с нетерпением ждал, когда же судно достигнет, наконец, тех мест, где подуют более благоприятные ветры.

Надо сказать, что кузен Бенедикт пытался посвятить Дика Сэнда в тайны энтомологии. Но юноша уклонился от этой чести; тогда ученый начал читать лекции неграм. Дело кончилось тем, что Том, Бат, Остин в Актеон стали убегать от кузена Бенедикта, как только он показывался на палубе. Почтенному энтомологу приходилось довольствоваться только одним слушателем – Геркулесом, у которого он обнаружил врожденную способность отличать паразитов от вилухвостых насекомых.

Великан негр жил теперь, окруженный жуками-кожеедами, жужелицами, шелконами, рогачами, жуками-могильщиками, долгоносиками, навозниками, божьими коровками, короедами, хрущами, зерновками. Он исследовал всю коллекцию кузена Бенедикта, который трепетал от страха, видя своих хрупких насекомых в толстых и крепких, как тиски, пальцах Геркулеса. Но великан ученик так внимательно слушал лекции, что профессор решил даже рискнуть ради него своими сокровищами.

---

¹⁰ Джон Франклин (1786–1847) – английский мореплаватель, исследователь полярных стран.

¹¹ Дядюшка Тоби – один из персонажей романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» английского писателя Лоренса Стерна (1713–1768).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.